

С тех пор как няня Сунь прислала тот свиток с картиной, простуда Шу Шиюня не только не отступила, но, напротив, лишь усилилась. Он целыми днями лежал в постели, изнывая от жара, чем приводил в неопишное беспокойство Сичжао и Тай-и Чжана.

— У Чжэнцзюня болезнь от сердца, здесь требуется внимание и утешение вана, — приговаривал Тай-и Чжан.

Дни ожидания тянулись мучительно долго. В начале зимы, лежа на кушетке, Шу Шиюнь то и дело заходил в приступах кашля, и от каждого резкого движения его живот пронзала острая, невыносимая боль. Он кутался в тяжелый плащ, и хотя в комнате жарко пылал очаг, согревая воздух, на душе было холодно.

Сегодня был день, когда Хэ Цинцы должен был вернуться в столицу, но сам Шу Шиюнь из-за слабости не мог встретить его лично. Почти все слуги в резиденции разбежались поглазеть на торжественную процессию, и только Сичжао осталась присматривать за ним.

— Сичжао, как думаешь, он уже должен был вернуться? — Шу Шиюнь снова закашлялся. — Возможно, те люди на улице правы. Мне ведь уже за тридцать, тело мое подобно старой ветоши, и никакие милости не сравнятся с юностью и свежестью тех, кто сейчас рядом с ним...

Ему следовало бы просто сидеть в своих покоях и не позорить вана, пытаясь выбраться наружу.

Сичжао подбросила угля в очаг и мягко ответила:

— Не тревожьтесь. Как только ван въедет в город, слуги непременно придут с докладом.

Вскоре после этого Нянь Фу и Нянь Цзи радостно прибежали с вестью: ван получил почести и награды и вместе с другими вельможами отправился во дворец. Вечером их ждал триумфальный пир, где государь и подданные будут праздновать победу, и если застолье затянется, то в княжескую резиденцию он сегодня может и не вернуться.

Услышав, что ван жив и здоров, Шу Шиюнь сначала просиял, но, узнав, что возвращение может отложиться, снова поник. Он так долго ждал этой встречи, и мысль о том, что он не увидит его первым, была невыносима.

— Сичжао, кхе-кхе, скорее, помоги мне одеться, — он сбросил одеяло и, придерживая живот, попытался встать.

— Что вы задумали? Тай-и Чжан велел вам соблюдать постельный режим!

— Я хочу увидеть его! — Шу Шиюнь не слушал предостережений, но стоило его босым ногам коснуться пола, как голова пошла кругом, а перед глазами поплыли черные пятна.

Сичжао поспешила уложить его обратно. Почувствовав, насколько холодны его пальцы, она приказала принести грелки и поглубже засунула их под одеяло.

Тело Шу Шиюня было склонно к ознобу, и даже если постель была хорошо прогрета, к глубокой ночи он все равно превращался в ледышку. Служанки хотели менять грелки по расписанию, но это неизбежно будило его, а спал он очень чутко и потом долго не мог уснуть, из-за чего силы окончательно покидали его.

Шу Шиюнь, не мигая, смотрел в полог кровати и лишь спустя долгое время хрипло прошептал:

— Потушите очаг. Он сам как живая печь, если придет сюда, я, пожалуй, окончательно изжарюсь... — голос его стих, голова бессильно склонилась набок, и слезы из уголков глаз покатались на подушку.

Сичжао вздохнула и жестом велела служанкам выйти, чтобы никто не смел тревожить его сон.

Ночью разыгралась метель, снег навалил на деревья в саду, и те с громким треском прогибались под его тяжестью. Сичжао заглянула в комнату: Шу Шиюнь лежал, прижавшись к кому-то, кто обнимал его со спины, и спал глубоким, безмятежным сном.

— Сичжао, иди отдохни, — раздался тихий голос.

— Слушаюсь, ван. — Она прикрыла дверь, едва заметно улыбаясь.

Шу Шиюнь давно не спал так спокойно. Рядом с ним словно появился теплый, живой очаг, который всю ночь держал его в своих объятиях, а рука, покоившаяся на талии, время от времени поглаживала его по спине, разгоняя остатки кошмаров.

Он прижимался лицом к груди этого человека, жадно впитывая тепло, и изо всех сил тянулся к источнику жара. Тот всю ночь утешал этого встревоженного и хрупкого человека, и на его вечно холодном, суровом лице промелькнула едва уловимая улыбка, вызванная этими неосознанными движениями.

На рассвете, сквозь полудрему, Шу Шиюнь почувствовал, как человек рядом откинул одеяло, собираясь встать. Он инстинктивно потянулся к нему, но схватил лишь пустоту, и холодный воздух, ворвавшийся под простыни, заставил его вздрогнуть.

Движения вана, затягивающего пояс, замедлились. Увидев, как Шу Шиюнь хмурится, а его губы побелели, он снова сел на край кровати, плотнее подоткнул одеяло и склонился, обнимая его, пока дыхание того не выровнялось. Лишь тогда он осторожно отстранился, надел парадное одеяние с вышитым пурпурным питоном и ушел на утренний доклад.

Проснувшись, Шу Шиюнь обнаружил, что под одеялом больше нет привычного холода, а в животе утихла острая боль. Воспоминания о прошедшей ночи нахлынули волной, и он невольно

покраснел.

Он смутно помнил, как ван вернулся глубокой ночью и всю дорогу держал его в объятиях. А он сам, едва коснувшись того, начал неконтролируемо дрожать и плакать, а ван утешал его, целовал слезы на веках и мягко поглаживал его округлившийся живот...

Ему уже за тридцать, а он вел себя как капризный ребенок — от этой мысли стало невыносимо стыдно.

<http://bllate.org/book/19189/1884660>